

ДАВЫДОВ Ю.Н. МАКС ВЕБЕР И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕБЕРОВСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ. М.: МАРТИС, 1998.

Монография Ю.Н. Давыдова адресована не только специалистам-вебероведам, профессиональным историкам социологии, но и широкому кругу изучающих историю социологических идей и ее связь с современностью. В книге обсуждаются обладающие универсальной значимостью, или, как выражается автор, «проклятые» вопросы социологической науки, к которым Макс Вебер имеет непосредственное отношение. В ряду классиков социологической мысли Вебер выделяется тем, что он никогда не питал иллюзий относительно возможности построения всеохватывающей системы социологического знания. Тем не менее, именно М. Веберу современная социология обязана своими достижениями больше, чем кому-либо другому — по всей вероятности, такова позиция автора рецензируемой монографии. Речь здесь идет лишь о «фоновом» впечатлении, возникающем у читателя, поскольку Ю.Н. Давыдов, несмотря на нескрываемую приверженность Веберу, не говорит, что веберовское учение всеильно, потому что оно верно. Однако основная идея монографии основана на принципиальной убежденности в универсальной значимости веберовских идей. В этом отношении фигура немецкого мыслителя приобретает колоссальный масштаб.

Пятисотстраничный том являет собой результат многолетней работы. Тем, кто читал предшествующие публикации Ю.Н. Давыдова, многие темы, нашедшие отражение в новой книге, хорошо знакомы: Вебер и «франкфурты», Вебер и Россия, Вебер и Ханс Фрайер, Вебер и Шелер, Макс Вебер и его брат Альфред, «веберовский ренессанс» — обо всем этом Ю.Н. Давыдов уже писал. Однако мы имеем дело не с крупномасштабной «самокомпиляцией». Книга Ю.Н. Давыдова — именно книга, а не сборник статей. Работа состоит из большого количества тематических блоков, упорядоченных в соответствии с хронологическим принципом. Поэтому книгу можно читать по частям, так сказать, «в дискретном режиме». Ею можно пользоваться как справочником по «веберовской проблематике» в современной социологии. С другой стороны, части книги служат целому, а не целое — частям. Во всех частностях и деталях (или за всеми этими частностями и деталями) автор постоянно, даже тогда, когда предметом его рассуждений становятся сугубо частные, «микроскопические» вопросы, хочет увидеть нечто большее: тот особый образ видения социально-исторической реальности, ту специфическую модель ее мыслительного освоения, которые предлагает М. Вебер. Увидеть «узор», если не симметрию, то, во всяком случае, гармонию в этом лоскутном полотне мысли — такова задача, которую ставит перед собой автор. Данную центральную для своей книги проблему Ю.Н. Давыдов именуется «загадкой веберовского фрагментаризма». Особенность книги в том, что концептуальное содержание социологической теории М. Вебера в систематическом виде не излагается. Интерес автора с самого начала определяется прежде всего как «Вебер в контексте» (как фигура среди других фигур).

Чтение работ Ю.Н. Давыдова — занятие не из легких. Дело не только в том, что манере письма Ю.Н. Давыдова присуща известная замысловатость (справедливости ради следует отметить, что рецензируемая книга в целом написана относительно доступно). «Проблема» в том, что он всегда пишет о действительно сложных вещах. Поэтому книгу нельзя рекомендовать как источник для ознакомления с веберовской проблематикой. Она рассчитана на подготовленного читателя. Разговор с читателем ведется на глубоком уровне «погружения в проблему», при этом такое «погружение» предполагается как само собой разумеющееся.

Каковы место и роль Макса Вебера в истории мировой социологической мысли? Их можно назвать «значительными», но сама значительность в содержательном ключе может определяться по-разному. Скажем, «давыдовский» Вебер — совсем иное, чем Вебер «парсонсовский». Если Парсонс рассматривает взгляды Вебера наряду с воззрениями Дюркгейма, Парето и Маршалла, то у Ю.Н. Давыдова Вебер предстает совершенно в другом окружении. Образ «неповторимой индивидуальности» веберовской концепции, отличающий ее (по мнению Ю.Н. Давыдова) от всех прочих концепций, прорисовывается на страницах книги достаточно четко. Во всяком случае, позиция автора по данному вопросу обнаруживается в полной мере.

В методологическом аспекте веберовскую точку зрения характеризует последовательный антинатурализм. Вебер решительно порывает с позитивистски-сциентистской традицией социологии XIX столетия. Саму возможность построения обществоведческих концептуальных систем на естественнонаучном (вернее, псевдоестественнонаучном) фундаменте он со всей определенностью отвергает. В этом отношении Вебера не устраивает ни программа Конта, ни программа Маркса. Общественное развитие — это не естественно-исторический процесс, никаких объективных законов, подчиняющих себе эволюцию человеческих обществ, не существует. Общество — это не природа, это нечто принципиально иное, и, следовательно, изучать его нужно не так, как природу. Социология может и должна стать настоящей наукой, однако это вовсе не означает, что для осуществления данной «заветной» для нее цели ей непременно потребуется превратиться в некое подобие «социальной физики».

Методологические представления, разумеется, имеют своей оборотной стороной представления онтологические, или, если угодно, мировоззренческие. Здесь собственно и возникает та самая позиция, которую Ю.Н. Давыдов именуется «социологическим номинализмом». Эмпирически реально — только

единичное, все остальное суть лишь «имена» (категориальные фикции). Ткань социальной реальности сплетается из многих тысяч тончайших нитей, — нитей конкретных человеческих действий. Изучение общества немислимо без изучения действия. Но действие — это не прыжок молекулы, наблюдаемый под микроскопом. Человек есть существо сознательное. Большинство его социально ориентированных поступков совершаются им (если использовать оборот, явно полюбившийся автору книги) «в здравом уме и трезвой памяти». Люди соотносят свое поведение, имеющее в их глазах некий субъективный смысл, с определенными ценностно окрашенными мотивами. Индивиды никогда не являются пассивными марионетками исторического процесса (ведь именно им и никому иному принадлежит суверенное право участия в формировании реальных эмпирических очертаний названного процесса в каждый конкретный момент времени). Человек никогда не бывает лишен свободы выбора; напротив, он всегда имеет такую свободу (свободу «поступать по собственному разумению»). Хотя, с другой стороны, данный выбор в плане его содержательной определенности в большинстве ситуаций действия оказывается отнюдь не случайным.

Понятно, что исследователь, направляющий собственный интерес на изучение реальных фактов «живой», «специфически человеческой» действительности, не может не учитывать в своей работе всех этих принципиально важных для него соображений. Основной задачей принимающей подобного рода постулаты общественной науки, оказывается, таким образом, «интерпретирующее понимание» человеческого действия, вовлеченного в «аксиологически насыщенный» контекст социально-исторической жизни. Социология превращается на этом пути в своего рода «социальную культурологию», в науку гуманитарную «до мозга костей».

Охарактеризовав в общих чертах базовую интенцию собственного — особого — видения специфики веберовской социологии в целом, автор приступает к своей основной работе: он начинает медленно и скрупулезно «простегивать лоскутное полотно» веберовского фрагментаризма, сравнивая при этом отдельные мотивы аутентичного, — или, по крайней мере, максимально приближенного к аутентичному (так, во всяком случае, полагает сам автор), — веберовского взгляда с соответствующими им тематически компонентами воззрений других теоретиков. Указанное движение осуществляется в строго хронологическом порядке, в направлении от начала XX века — к современности. Здесь мы ограничимся лишь перечислением в назывном порядке тех авторов (и, соответственно, стоящих за ними интеллектуальных традиций), с которыми «давыдовскому» М. Веберу приходится «выяснять отношения».

В части первой автор сводит М. Вебера с его современниками, мыслителями, которые полемизировали с Вебером при его жизни. Первым в этом ряду идет школьный друг М. Вебера Генрих Риккерт: в центре дискуссии оказывается категория «ценности», которую Вебер заимствует у Риккерта, наделяя ее при этом, правда, несколько иным (не специфически философским, но именно специфически социологическим) эвристическим потенциалом. Далее разговор заходит о совсем других вещах: теории происхождения капитализма (контroversа «М. Вебер — В. Зомбарт»). Здесь читатель получает возможность услышать звук скрежещущего железа. Ю.Н. Давыдов в этом споре выступает в роли секунданта Вебера, и Вебер, естественно, побеждает. (Хотя нам кажется, что глубина идейных противоречий, разделявших позиции сторон в указанном споре, автором несколько преувеличивается.) Далее автор пытается эксплицировать интеллектуальную подоплеку тех непростых отношений, которые складывались у Макса Вебера с его младшим братом Альфредом (эта тема в дальнейшем, по ходу изложения исследовательского материала, получает свое продолжение; во второй части книги она разворачивается более широко).

Во втором разделе первой части Вебера приглашают на «очную ставку» с его российскими коллегами. В поле внимания автора здесь попадают два российских мыслителя, а именно С.Н. Булгаков и Б.А. Кистяковский. В первом случае речь идет не столько о полемике (пускай даже и воображаемой), сколько о мотивах влияния веберовских идей (прежде всего, конечно, идей «Протестантской этики»), которые просматриваются в ряде работ С.Н. Булгакова. В качестве примера здесь разбираются доклад «Народное хозяйство и религиозная личность» и знаменитая «веховская» статья «Героизм и подвижничество». Что же касается Кистяковского, то тут темой для дискуссии, которая действительно имела место, становятся вопросы сугубо отвлеченные. Спор между немецким и российским учеными ведется по поводу значения и перспектив использования категории «возможности» в области общественно-научного знания. Чтение главы, посвященной разбору упомянутого вопроса, — занятие не для слабонервных. Во всяком случае, если какой-нибудь отважный читатель захочет разобраться в сути рассматриваемых здесь проблем, то ему потребуются предварительное детальное ознакомление с работой Вебера «Критические исследования в области логики наук о культуре».

Часть вторая называется «Пути и парадоксы актуализации веберовских идей на Западе». О чем здесь идет речь? С М. Вебером «сводили счеты» многие. В полемике с М. Вебером (пускай и односторонней) многие его оппоненты проясняли собственные теоретические ориентации. Процедура подобного рода «сверки курсов» порой принимала вид своеобразной интеллектуальной рекогносцировки (для тех мыслителей, которые стремились отмежеваться или, наоборот, солидаризироваться с позицией М. Вебера по тому или иному вопросу). Если говорить о 20-х — начале 30-х годов, то здесь «духу» аутентичного Вебера приходится выяснять отношения с тремя авторами — с уже упоминавшимся выше А. Вебером, а также с М. Шелером и Х. Фрайером. Начиная же с 30—40-х годов в дискуссию о веберовском теоретическом наследии, активно включаются представители франкфуртской школы. О «франкфуртцах» и их отношении к идеям М. Вебера следует упомянуть особо. Именно в споре с представителями названной школы в роли

дуэлянта выступает уже не Вебер, но сам Ю.Н. Давыдов. И фигура великого немецкого социолога выполняет здесь роль скорее предлога для спора, нежели его основания. Порой возникает впечатление, что в своей разоблачительной критике этих «разоблачителей» (имеется в виду «великолепная пятерка» Хоркхаймер — Адорно — Фромм — Маркузе — Хабермас) автор монографии заходит слишком далеко. Конечно, перчатка, брошенная неомарксистами «теоретическому традиционалисту» (читай — «буржуазному теоретику», или даже сильнее, — «апологету буржуазии») Макс Веберу, должна была быть поднята. Однако стоит ли упрекать этих «оппозиционеров духа», например, в граничащем с интеллектуальной нечистоплотностью двуличии? Они, мол, с одной стороны, активно пользовались концептуальным арсеналом веберовской теории, но, с другой стороны, нигде и никогда не признавались в этом открыто (да еще и, вдобавок, критиковали данную теорию как «буржуазную» и «авторитарную по сути»). Действительно ли истолкование веберовской концепции рационализации в духе теории отчуждения является столь уж «монологичным»? Ведь у такой точки зрения есть свои резоны.

Волна инициированной неомарксистами критики, направляемой ими в адрес так называемой традиционной теории (в ряду представителей которой волею судеб оказывается и М. Вебер), сменяется новой волной. Своей критикой неомарксисты, в конечном счете, оказали известную услугу Веберу: их критические высказывания пробудили интерес к веберовской теме в широких кругах западной социологической и «околосоциологической» общественности. Была подготовлена почва для движения в обратном направлении: от радикальной и непримиримой критики — к конструктивному и ответственному диалогу. «Кризисное» сознание мало-помалу уступает место новой — «стабилизационной» — перспективе. «Ренессанс К. Маркса» перерождается в «ренессанс М. Вебера». О «веберовском ренессансе» Ю.Н. Давыдов пишет довольно подробно (тематика эта раскрывается в третьей части книги). Здесь, естественно, вспоминается книга «История и рациональность», написанная автором монографии в соавторстве с П.П. Гайдено. Дискуссия о М. Вебере, ведущаяся в кругу «профессиональных вебероведов», по вполне понятным причинам рискует превратиться в «дискуссию для избранных». На Западе (и прежде всего, конечно, в Германии) над «спорными вопросами» веберовского социологического учения работают многие исследователи. Современная западная «веберiana» — это особый мир, своего рода «интеллектуальные джунгли», в дебрях которых легко заблудиться.

Последние сто страниц книги погружают читателя в современную российскую действительность. При чем тут Вебер? Рассуждения о «веберовском ренессансе» на Западе сменяются в монографии рассуждениями о том, что автор определяет как «второе открытие» М. Вебера в России. Здесь автор рассказывает, как протекал процесс «ассимиляции» веберовской традиции мысли в отечественном обществоведении (начиная с 60-х годов). Путь становления современного российского вебероведения был тернистым. Когда официальная «марксоидная» идеология советской власти приказала долго жить, прекратив при этом выполнять приписываемые ей властными инстанциями контрольно-охранительные функции, тогда возникли условия, располагающие к тому, чтобы наши — «глубоко законспирированные» до сей поры — отечественные вебероведы наконец-таки вышли из подполья. Восторжествовала долгожданная свобода; российские гуманитарии расправили согбенные спины. В результате эмансипации слова и мысли Вебер получил возможность переместиться в иерархии духовных авторитетов нашего социологического сообщества на уровень, достойный его истинных заслуг. Все вроде бы замечательно, на этой обнадеживающей ноте можно было бы и закончить книгу. Но здесь все только начинается. Если Вебер сегодня еще действительно современен, если его учение еще сохраняет актуальность, то это означает, что его идеи могут и должны служить средством объяснения процессов и явлений, которые наполняют российское настоящее. Автор монографии о Вебере призывает социологов более активно использовать инструментарий веберовского анализа в изучении реалий современного российского общества. Этот призыв не остается лишь призывом. Раздел седьмой рассматриваемой книги носит чрезвычайно интригующее и многообещающее название «Судьбы России в свете веберовских идей, идеи М. Вебера в свете российского опыта». На самом деле указанный раздел содержит изложение личных взглядов автора, касающихся одной большой темы — «исторических судеб России в XX столетии». «Привязка» авторских воззрений к концептуальному источнику собственно веберовской социологии осуществляется в двух направлениях. Мы используем в данном случае слово «привязка» именно потому, что Ю.Н. Давыдов скорее подводит собственные выкладки и соображения под отдельные фрагменты веберовской социологической теории, нежели выводит их из этих самых фрагментов. Первый значимый для автора (в указанном отношении) веберовский мотив — это теория бюрократии. Однако Ю.Н. Давыдов размышляет здесь не о бюрократии вообще, и уж, тем более, не о «веберовской» (рациональной) бюрократии, а исключительно о бюрократии советской (бюрократии «тоталитарного типа»). Размышления о формах, методах и механизмах осуществления тоталитарного политического господства выливаются у автора в теорию функционирования (структурно-исторической эволюции) тоталитарно организованного общества. С разработчиком данной версии концепции тоталитаризма, разумеется, можно было бы дискутировать, хотя мы имеем здесь дело, в сущности, лишь с эскизом теоретического построения, а не с разработанной и прописанной в деталях концептуальной системой. Однако в концепции тоталитарной бюрократии, предлагаемой Ю.Н. Давыдовым, следы веберовского идейного влияния, если не считать, конечно, «фоновых» трюизмов, просматриваются лишь при условии изрядного воображения. Второй «веберовский след», на который указывает Ю.Н. Давыдов, — так называемая концепция двух культурно-исторических типов капитализма. Здесь

имеются в виду, во-первых, современный (рациональный, индустриально-производительный) капитализм, и, во-вторых, капитализм традиционный или «архаический» (авантюристический, финансово-спекулятивный). В современной России, — утверждает автор, — мы можем наблюдать процветание структур, формирующих институциональный остов именно второго из упомянутых типов капитализма. Разумеется, такие тенденции не сулят России ничего хорошего. Единственное, что в такой ситуации ее может спасти, — это некоторое подобие протестантской этики; не протестантская этика, конечно, но некий ее культурно-аксиологический и социально-исторический «аналог». Это должна быть некая (весьма специфическая) религиозная и этическая доктрина, которая сможет укоренить в душах своих приверженцев чувство глубокого уважения к профессиональному труду, уважения, выражающегося в отношении к этому самому труду как высшей степени достойному в нравственно-мировоззренческом смысле занятию. Нечто похожее у нас как будто бы уже зарождалось, — зарождалось, но не получило своего дальнейшего развития. Ю.Н. Давыдов вспоминает в этой связи имена Толстого и Достоевского... Однако «путь обращения к истокам» нередко оказывается извилистым. Более того, часто путь к родному дому пролегает через чужие края. В такой ситуации очень легко утратить всякое (мало-мальски определенное) представление об искомом направлении собственного движения. И тогда кто-то должен прийти на помощь — подсказать дорогу. Кто даст совет? Макс Вебер?

Д.Г. Подвойский
Российский университет дружбы народов